

«Лесков – писатель будущего»

Л.Н. Толстой

Природа писательского дара Николая Семёновича Лескова столь же таинственна, сколь и проста. Проста в том смысле, что слишком легко угадать и сословные, и географические границы, внутри которых только и мог талант Лескова явиться. Таинственным же Лесков является потому, что при всём этом он не только орловский писатель, а даже и по определению строжайшего Льва Толстого – «самый русский из русских писателей».

Высоко оценивает его и «пролетарский» писатель Максим Горький: *«Как художник слова Н.С. Лесков вполне достоин встать рядом с такими творцами литературы русской, каковы Л. Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров. Талант Лескова силою и красотой своей немногим уступает таланту любого из названных творцов священного писания о русской земле, а широтою охвата явлений жизни, глубиною понимания бытовых загадок её, тонким знанием великорусского языка он нередко превышает названных предшественников и соратников своих».*

И при таких же оценках Лескова как выдающегося мастера Достоевским, Чеховым и многими другими классиками русской литературы – именно мастером, т.е. постигшим писательское мастерство в той степени, чтобы к любому своему замыслу его артистичнейше применить, из него не могло получиться. Таинственный талант его так и остался именно природным и самородным.

Например, начав свою писательскую карьеру со статей и с этнографических заметок, он, проехавшись с поручением редакции «Северной пчелы» по Прибалтике, Польше и Франции, разочаровывается в «передовых воззрениях» и начинает писать что ни на есть злободневный политический роман «Некуда» о нигилистах. Но роман этот у него получился весьма неудачным именно с художественной точки зрения. А через шесть лет – в 1870-м – будучи уже автором таких блистательных повестей, как «Леди Макбет Мценского уезда» (1864), «Воительница» (1866), «Котин Доилец и Платонида» (1867), он публикует еще один свой неудачный роман «На ножах» против всё тех же нигилистов и против «вульгарного материализма».

Памятник Н.С. Лескову. Орёл

То есть, будучи писателем глубоко органичным природе своего редкого таланта, он даже и со второй попытки не смог профессионально, как и подобает уже воистину состоявшемуся мастеру слова, исполнить любое поручение собственного неравнодушного ума и такого же своего гражданского чувства.

Такова была и сама его человеческая натура, чтобы ответы на тревожащие его вызовы текущего времени не формулировать, а черпать из глубин жизни такой, какая она на самом деле есть. Как, например, в «Соборях» выход из противоречия между официальной – государственной – Церковью и Христом набожный Лесков находит не у современных ему религиозных ревнителей и мыслителей, а в невымышленном образе хоть и не слишком начитанного, но очень доброго и отзывчивого дьякона Ахилла.

В силу этих же своих свойств в конце своей жизни Лесков сознавался: *«Льва Николаевича Толстого люблю, а толстовцев нет»*. Хотя отчасти и сам он был толстовцем, но – по-своему: *«Меня никогда не смущает то, чего я с ним не могу разделять: мне дорого его общее, так сказать, господствующее настроение его души и страшное проникновение его ума»*.

И вовсе не случайно лучшие годы жизни, как вспоминает сам Лесков, подарила ему работа

в компании «Шкотт и Вилькенс», позволившая писателю поехать по всей России, чтобы в дороге с жадным любопытством вступать в долгие беседы с людьми самыми случайными и самыми разными не только по сословному, а даже и этническому житейскому опыту.

В связи с этим осмелюсь предположить, что если бы Лесков получил академическое образование и привык свое миропонимание напивать книжной мудростью, то был бы у нас ещё один даже и, может быть, крупнейший писатель, но такого особого, *«самого русского»* – не было бы. Хотя, будучи помощником столоначальника рекрутского ревизионного отделения в Киеве, он частным порядком слушает университетские лекции по архитектуре, живописи, экономике, сельскому хозяйству и многие иные. И более всего его увлекает древнерусское зодчество, иконопись, а также овладевает он малороссийским и польским языками, чтобы постичь тайны корней русского языка в тех глубинах, где у всех славянских народов язык был ещё единым. Поэтому не только характеры его героев, а и сама художественная ткань его прозы воспринимаются не с кропотливым искусством созданными, а как чистейший результат самородного и абсолютно вольного его таланта.

Потому и очень разные по характеру своего творчества писатели Достоевский, Чехов, Ремизов и многие другие, лесковской прозой вдохновлявшиеся, даже и отдалённо с ним ни в чём не схожи. Достоевский, например, утверждал, что помимо многого прочего у Лескова он перенял конструирование художественных образов и прорисовку характеров. Но очень уж особенные образы и характеры и у того, и у другого. И особая чеховская ирония ничем не подтверждает то, что Чехов у Лескова учился именно иронии, а не только, как рассказывал он Горькому, *«умению подсказать читателю оценки и выводы, мнения своего не навязывая»*.

Но при общепризнанном влиянии прозы Лескова даже на самых выдающихся современных ему писателей, очень уж тяжко складывалась его собственная писательская судьба. Ещё в молодости, сотрудничая с «Северной пчелой», он опубликовал статью о пожарах в Шукином и

Апраксином дворах. И будучи по своему характеру лишенным всякого лукавства, потребовал от власти провести достаточное расследование, чтобы либо подтвердить, либо опровергнуть слухи о том, что виновниками пожара могут являться студенты-революционеры. И если радикальные демократы восприняли этот призыв как завуалированный донос, то сам Александр II увидел в Лескове, давшего негативную оценку также и работе пожарных, чуть ли не бунтаря. *«Не следовало пропускать, тем более, что это ложь»*, – рассудил Император. И с тех пор Лесков был уже чужаком и для «демократов», и для «охранителей».

Тем более в штыки был принят его роман «Некуда», опубликованный в ту пору, когда он свои произведения еще подписывал псевдонимом Стебницкий. *«Найдётся ли теперь в России, кроме “Русского Вестника”, хоть один журнал, который осмелился бы напечатать на своих страницах что-нибудь выходящее из-под пера Стебницкого и подписанное его фамилией?»* – вопрошал Д.И. Писарев.

И действительно, популярные левые и правые журналы привыкли его сторониться. «Демократы» не увидели в Лескове своего автора даже и когда его критика бюрократии, полиции, царевой позиции Синода и самого политического режима стала совсем уж непримиримой. Для тех и других его позиция была, опять-таки, слишком самородной, а значит, абсолютно независимой. И если редкие критики вспоминали о нем, то – холодно, особо не вникая в тайну его

самобытности. А в глазах цензуры он предстает даже и столь опасным, что некоторые его издания запрещаются и конфискуются.

Это мучительнейшее испытание для крупнейшего писателя заканчивается лишь с его смертью.

«Лесков – писатель будущего», – предсказывал Толстой. Но даже в советский период при всём том, что сам Горький в публичных советах молодым писателям постоянно призывал читать именно лесковские произведения, широкое признание Лескова затянулось надолго. Лишь на волне пробуждения русского национального самосознания после победы в Великой Отечественной войне стали появляться исследования творчества и творческой биографии писателя, популяризирующие его литературное наследие.

А в 1956-1958 годы наконец-то выходит даже и собрание его сочинений в одиннадцати томах...

Чтобы получить представление о своей планете и её дальнейшей судьбе, ученые бурят скважины в континентах и достают из их глубин слои древнейших отложений для изучения. Такими же бесценными и ещё далеко не изученными кернами, таящими в себе многими веками формировавшиеся образцы русского устроения и русской речи, являются лесковские книги. Именно писатель Лесков как мало кто иной является не просто одним из символов России, а и хранилищем не мифологизированной, подлинной, из самой народной жизни зачерпнутой тайны русской души.